

1.17 О вос-приятии предания через образ



Быть может, самое существенное, значимое, то, к чему мы, направляли себя этой работой, этим усилием, не вполне, осознаваемо поначалу, – это уяснение, для себя самого в первую очередь, - уяснение значимости образа, как инструмента и способа передачи нам во времени нашего пре-дания. Писание и Предание, - сказано и написано немало о значимости, о соотношении этих унаследованных нами сакральных обоснований Церкви. Незыблемо Писание – и ползок, опасен путь самостоятельного погружения в него, путь, ведущий гордеца, уповающего лишь на собственные силы, отвергающего благоприятный опыт отцов - пред-шественников, - путь к расщеплению, атомизации церковного целого личным, дерзновенным не по разуму, вне-церковным пониманием Писания... путь ведущий к личному рас-церковлению, к отделению от целого и значит – к расколу церкви, к благо-видному но обманному протесту, протестантизму - чрез некое преодоление единомыслия личностей, членов единого церковного тела... Личности собираются к общему церковному таинству и осознают себя единомысленными, едиными устами, единым сердцем, горе устремлённым... или... отвергаются от единого церковного древа, как само-стоятельные части, иссохшие в личном, горделиво отъединённом от церковного целого - познании Бога... Даже отделение от целого одного человека – трагичный последствиями малый раскол. Предание – словно бы единящий состав, цементирующий единомыслие. Писание, воспринимаемое без Предания, - пред-остерегают о том отцы, - сулит и опасности – быть может, наибольшая, из них для человека, движимого само-сознанием, само-мнением - ложное истолкование Богоподобия. «Будете яко бози» - легко расслышим, уединённые от церкви, этот древний шип, не изнутри ли гордыни нашей звучащий. Сколь прост соблазн само-вольно увериться в познании Богом Самого Себя, Своего образа – во мне, в человеке, утвердиться в возможности человеком познания Бога по Его благоволящей, избытствующей к нам Любви... и при том заплутав, запутав себя, -

удалится невозвратно, отвратить себя от познаваемого Творца. Предание – верный ориентир в познании Писания, знак на торном пути ко Господу, на деятельном пути, хожене до нас, проторённом и обустроенном к нашей немощи – нашими предшественниками в духовном делании, предшественниками, ведущими свои стопы от прямых последователей, со-трудников, учеников Христа. Сам Путь – Христос. Но как возможно движение этим Путём, движение во Христе и Христом. Шествующие перед нами, прежде нас принимают преемственность, на-следование, как некий верный дорожный посох, как ориентир. Собственно Путь – Христос, Он Сам вручает Себя нашему действию. Но да не решимся в одиночку, словно бы первые из людей, ступить на этот путь, – слишком велик соблазн и опасность движения, воинствования в одиночку на этом бранном поле, воистину бранном. Блюдитесь, яко опасно ходите. Рычит враг, яко лев, алчет пожрать. Воспримем, как духовное всеоружие на пути – опыт своих предшественников, облагодатствованных святостью, – пройденное они сполна передают нам, да не отвергнем их любви, их достоинств. Как происходит эта передача, прерывается ли эта путеводящая нить, зарастает ли тернием этот путь, опустевающий шествующими... Безусловно, перед нами и в нас – плоды предшественных блужданий, плоды опустелого, забытого и «зарастающего» пути, плоды блуждания во тьме на беспуты, на рас-путице... Задача обретения утерянного, как насущная, наиважнейшая к самой жизни задача – вновь стоит перед блуждающим человеком, блуждающим вне прямой, вне последовательной, след в след, преемственности. Православие держится этой преемственности истекает из неё, вбирает потоки струящихся жизней, оплодотворяет и произращает жизни новые к Жизни Вечной. Но где же сам путь, переданный нам из рук отцов в наши руки, – буквально вручённый нам от предшественников. Вот – литургия, вот – затёртый благочестивым предком молитвослов, вот – правило прочтения текста к восприятию Христа... Но как правильно открыть себя к восприятию этой нити, к походу личному шествования по этой благотворной стезе. Как лично не соскользнуть с торного пути в блуждание вокруг да около, – мимо цели. Движение мимо Цели – Христа и есть одно из образных толкований греха. Но где же путь прямой, проторённый нам. Как следовать Христу след в след за своими предшественниками. Представляется, что образ живописный, традиция живописания образа – есть один из способов предания, передания нам этого пути. А мы – воспримем ли его так. Церковная традиция, церковное видение, обще церковное, выверенное обыкновение жизни, обычай проживания личного пути в церкви, устройство личного жизненного пути внутри традиции вос-соединения с Живым Богом – и есть Православие. Образ Божий, существует, живёт внутри традиции. Образ Божий окружает, со-провождает и наполняет традицию, вмещает её, вместе с жизнью каждого отдельного человека, как части этой традиции. Образ Божий, вмещающий традицию внутрь себя, – это ли один из значительнейших способов предания нам образа жизни, образа понимания, восприятия, проживания жизни вослед Христу, во след своим предшественникам, пред-молитвенникам земным и со-молитвенникам небесным. Опыт во-церковления в церковь пред-существующую нам, со-существующую с нами, в церковь грядущую и пре-вечную...

Примеры пути и плодов во-церковления – обретаем в открывающемся нам живописном образе: наглядно перед нами и образно – во-церковления нашего сознания, нашего житейского обыкновения, обихода, всего нашего человеческого устройства. Пре-поданный нам пример, как некий живописный слепок следа, как следствие и выражение самой жизни в по-следовании за Христом, ко Христу, следствие внутренней сокровенной

жизни, от-образённой в образе. Воспримем живописное наследие, как прямое послание нам, послание, не укладываемое в слова, не обрамляемое, не описываемое словом, превышающее человеческое слово. Образ – превыше без-образных слов, звучащих кимвалами. Без-образное слово и есть кимвал. Послание образом – посланное к нам произведение плода личного духовного взаимоотношения человеческого естества с Богом, высекавшим эту творческую искру, этот пламень образа, пред-ставленный нам. Глубины человеческого сердца со-отнеслись, со-образовали себя с Богом, с Творцом... преизбыток чувств, души, - несказанно преумножился и расширился внутри человека, в пространстве духовного предстояния перед Творцом, в духовном единении с Первообразом... Ишедший творческим актом преизбыток в образном про-явлении – соотнесём с воплощённым перед нами нетварным светом Божественной энергии – фаворским свечением, из-образённым на иконной доске. Не удержан свет внутри Христа, произлит на Фаворе пред избранными учениками. Не удержан свет внутри образотворца Феофана... внутри иного живо-писателя, зографа - не удержан – и произлит, про-изведён произведением, во-площён, как свидетель сердечной переполненности, как меч духовный, преподанный нашим рукам... как искра, должная бы воспламенить трут нашей души, иссохнувшей, истомившей себя в Богоневедении. Станем ли за-блуждать себя далее, воспринимая от образа лишь его историческую ценность, лишь его художественную значимость, эстетику и атрибутику... Удалимся от подобной неполноты, от не-подобающего смотрения на образ, - возжаждем принять то, что образ несёт нам, - ту самую искру сердечной полноты, пережитой, воспрянувшей некогда в ином человеке, мастере – образотворце. Быть может, смеем о том помышлять: полнота эта была присуща не одному только мастеру, не уединённому творцу, но наполняла, пре-ис-полняла всё жизненное – литургическое пространство храма и, куда шире того – простор Святой Руси, разливающийся за пределами храмовых стен. Простор литургического пространства распространялся Самим Христом, исходящим от храма, в человеческих утробах, в составах, сердцах... Простор во-церковлённой обыденной жизни, востекал таинственно и православно в литургическом общем делании – к Престолу Господнему. Святая Русь расстилалась и про-стиралась, содержа храмы внутри себя и собственно являла собою огромный под небом – храм, литургическое образное пространство. Помыслим об этом и сможем ли осознать подобное, рассуждая лишь в культурно-эстетических понятиях о исторической канве событий, войн, затяжных потрясений, кратких благоденствий, периодов княжений, царствований и династий. Куда как глубже, шире и превыше сего – жизнь церкви внутри государственной плоти, как жизнь самого сердца внутри организма, наполняющего кровеносные токи деятельным возбуждением. Образ рождён именно от этой живоносной полноты, воспринявшей Христа, от естественного состояния, вместившего превыше естественные свойства. Именуем ли их верой, воцерковлённой симфонией плоти, души и духа. Симфония властей – лишь одно из проявлений полифонии взаимного созвучия, хорошо различимая на удалении вершина огромного образа мироздания, сокровенного от нас. Что мы сущностно знаем об ушедшем... что я знаю о под-спудной святости моей Руси... Вновь вспоминаю страницы книги митрополита Вениамина Федченкова, пережившего столь многое прежде своего упокоения в тишине Псково-печерских пещер. Его живая история – запечатлённое памятование о том, как разрыдался служка – пономарь на захолустном погосте меж окраинных, едва не исчезнувших уже, позабытых людьми могил, - упав меж ними – разрыдался: «сколько же здесь святых – лежит...» Вот – прозрение православной души, образное проникновение в историческую

преемственность, вникание духовное и чувственное – в образ – к вос-приятию предания от земных тварных глубин, охваченных корнями, напоёнными и оживотворёнными от Неба.

На хляби земной небесная твердь нашла отраженье.
Взывает в себя лазурная глубь, лучащийся нимб.
Стою между луж, опавшим листом к истленью прилип,
Не в силах принять в такой полноте своё за-вершенье.
Невидимый свет насытит собой моё униженье.
В соборе – листы опавших дубов, берёзок и лип...
Уже ль обретёт достоинство – клён под немощный всхлип
Остылой судьбы, от жизни своей познав раз-решенье.

Сквозь чёрную сеть обветренных крон проникнул хитро
Неистовый луч... Архангел весны пронзает навывлет
Погибели зев, - Ноябрь – дракон взметнулся волной.
Глагол - острием - в болотную стынь, во чрево, в нутро:
«Вы – царственный плод пурпурной главы, лист Клёна – не вы ли!»
Над вспыхнувшим вдруг - что голос живой, что свет не земной.